

DOI: 10.22250/2072-8662.2017.2.127-148

Пан Т.А.

**Перевод Н.А. Попова с маньчжурского языка
«Обрядника шаманского жертвоприношения
у маньчжуров». Часть 1: предисловие,
издание текста Л. 1а-29а и комментарии**

Аннотация. Н.А. Попов (1850–1901) был выпускником китайско-маньчжурского разряда Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. По окончании учёбы он был принят в Азиатский департамент Министерства иностранных дел и был направлен консулом в Фучжоу (Китай). При поступлении на службу в Азиатский департамент он предоставил свою студенческую работу – частичный перевод с маньчжурского языка «Утверждённого императором устава маньчжурских жертвоприношений духам и Небу», выполненный им в 1876 г. (Фонд 109, опись 1, ед. хр. 1). Работа Н.А. Попова, названная им «Обрядник шаманского жертвоприношения у маньчжуров», является первым русским переводом этого памятника и отражает не только уровень подготовки специалистов Восточного факультета, но и впервые представляет материал маньчжурского памятника в российской науке о Китае. Полный научный перевод «Устава» был сделан значительно позднее, в 1939 г., А.В. Гребенщиковым. В статье публикуется первая часть рукописи Н.А. Попова – л. 1а–29а.

Ключевые слова: маньчжурский шаманизм, «Устав шаманской службы маньчжуров», Н.А. Попов, Архив востоковедов ИВР РАН

Tatiana A. Pang

**Translation of “A Ritual Book of Manchu Shamanic Sacrifices”
by N.A. Popov. Part 1: Introduction, Publication of Russian Translation
of the Text L. 1a-29a and Commentaries**

Abstract. Nikolai Andreevich Popov (1850–1901) was a graduate of the Chinese-Manchu chair of the Oriental faculty of Saint-Petersburg University. After the University he immediately entered the Asiatic Department of the Ministry of Foreign Affairs and later served as Russian consul in Fuzhou (China). His partial translation from the “Code of Manchu shamanic sacrifices” is the first introduction of this Manchu text to Russian scholarly world and was done as a student work. The translation by Popov does not include imperial introduction and preliminary instructions, as well as the texts of the prayers, but it is concentrated precisely on ritual descriptions. The text is interesting for the history of the studies of Manchu shamanism, as well as the first known attempt to give a translation of all shamanic court ceremonies. A complete scholarly translation of the text was done much later by A.V. Grebenshikov in 1939. The article presents the first part of Popov’s manuscript on fols. 1a–29a.

Key words: Manchu shamanism, Code of Manchu shamanic sacrifices, N.A. Popov, Orientalists Archive of IOM RAS

Пан Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18; ptatiana@inbox.ru

Tatiana A. Pang – PhD (History), Leading Researcher, Head of the Department of the Far East, Institute of Oriental Manuscripts of SB RAS; 18 Dvortsovaya naberezhnaya, St. Petersburg, Russia 191186; ptatiana@inbox.ru

В Архиве востоковедов ИВР РАН имеются ценнейшие материалы на маньчжурском языке по шаманству маньчжуров, собранные А.В. Гребенщиковым в начале XX в. в Маньчжурии [Пан, 1991, 136–140; Нишань самани битхэ, 1961; Stary, 1985], и шаманству народа сибэ, из коллекции Н.Н. Кроткова [Кротков, 1913, 117–136; Пан, 2014, 275–290; Stary, 266–291]. Частично уже издан перевод А.В. Гребенщикова большого текста «Устава шаманской службы маньчжуров», который является наиболее точным и дословным переводом маньчжурского памятника *Hesei toktobuha manjusai wecere metere kooli bithe* («Утверждённый императором устав маньчжурских жертвоприношений духам и Небу»), законченным А.В. Гребенщиковым в Ленинграде в 1939 г. [Пан, 2011, 117–133]. До сих пор этот перевод считался единственным переводом на русский язык «Устава».

Однако в фонде 109 (опись 1, ед. хр. 1) Архива востоковедов ИВР РАН имеется ещё один перевод на русский язык этого маньчжурского текста, который был выполнен выпускником Восточного факультета Санкт-Петербургского университета задолго до работы А.В. Гребенщикова над этим текстом. Это – рукопись Н.А. Попова, датированная 1876 г., под названием «Обрядник шаманского жертвоприношения у маньчжуров». Текст написан чёрными чернилами на сложенных пополам больших листах желтоватой бумаги, сшитых в самодельную тетрадь большого формата (22 x 36 см, 68 лл.).

Об авторе этого перевода мы узнаём лишь из кратких данных его биографии. Из справки, составленной по материалам отдела историко-дипломатического управления Архива военной политики Российской Федерации, известно, что Попов Николай Андреевич родился в 1850 г. семье священника. В 1865 г. поступил в Орловскую духовную семинарию, которую окончил в 1872 г. В сентябре 1872 г. был принят в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков и окончил его в 1876 г.; 25 сентября 1876 г. он был зачислен в Министерство Иностранных дел в Азиатский департамент сверх штата в чине коллежского секретаря. С 1878 г. – студент российской миссии в Пекине, в 1882 г. назначен консулом России в Фучжоу. Умер 9 августа 1901 г. в должности генерального консула России в Фучжоу в чине статского советника.

Наверху первого листа автографа имеется запись: «Получено 27-го сентября 1876 г.». Вероятно, этот текст был представлен Н.А. Поповым при зачислении на службу в Азиатский департамент как свидетельство его владения маньчжурским языком. На то, что эта работа была выполнена ещё во время учебы в университете, указывает подпись в конце рукописи: «Студент Н. Попов». Возможно, перевод памятника был выполнен как выпускная работа, и он свидетельствует о хорошей профессиональной маньчжуроведной подготовке студентов Восточного факультета Санкт-Петербургского университета того времени.

Представленная к публикации рукопись состоит из предисловия Н.А. Попова с объяснением причин, побудивших его заняться переводом шаманского памятника, перевода описания шаманских обрядов, совершаемых в императорских шаманских храмах, и краткого заключения. Ссылаясь на работы предшественников – Д. Банзарова и И. Бичурина – автор считает, что их исследования являются недостаточно полными. Тем не менее, описание императорского обряда шаманских жертвоприношений впервые появилось в книге И. Бичурина «Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение» [Бичурин, 1840], а затем повторено в его же книге «Китай в гражданском и нравственном состоянии» [Бичурин, 1848]. Не вполне ясно, каким текстом (маньчжурским или китайским) пользовался Бичурин в своём пересказе, однако Н.А. Попов вполне вероятно пользовался книгами И. Бичурина. Во всяком случае, именно от И. Бичурина заимствован перевод китайских трёх- и четырёхструнных инструментов *тэнгэри* и *фифань*¹, сопровождающих шаманское камлание, как «гитара» и «балалайка».

Следует сразу же сказать, что работа Н.А. Попова является лишь частичным переводом Устава, т.к. он не перевёл предисловие и вводную часть памятника². Кроме этого в переводе опущены тексты всех молитв. В своём кратком заключении переводчик объясняет это тем, что тексты всех молитв идентичны и отличаются лишь перечислениями духов, к которым они обращены. При чтении памятника

создаётся впечатление, что все обряды идентичны, однако следует согласиться с Н.А. Поповым, который отмечает, что «часто обряды жертвоприношений, совершаемые по разным случаям, почти одинаковы, но при этом бывают некоторые небольшие изменения или дополнения; и эти-то изменения и дополнения заставляют нас излагать целиком все эти обряды, чтобы сохранить целостность обряда» (л. 4а). Более того, подробность описания обрядов отражает насколько строго были организованы и продуманы действия всех участников императорских обрядов.

Несмотря на то, что перевод Н.А. Попова «Утверждённого императором маньчжурских жертвоприношений духам и Небу» не является полным, тем не менее он представляет описания всех шаманских жертвоприношений, совершавшихся в императорском дворце Кун-нин-гун и шаманском храме предков Тансэ. Издание этого перевода ни в коей мере не заменяет необходимости полного издания перевода А.В. Гребенщикова, и лишь подчёркивает интерес российских маньчжуроведов и китаистов XIX в. к этой тематике.

Т.А. Пан

Публикация рукописи Н.А. Попова:

<л. 1а> Обрядник шаманского жертвоприношения у маньчжуров

Шаманство давно уже обращало на себя внимание учёных, но отчасти вследствие недостатка данных, а отчасти вследствие неподготовки взяться за этот предмет, никто из них ещё и до сих пор не дал ясного понятия об этой религии – религии, бывшей общею у народов Средней Азии до распространения буддизма. Доказательством распространённости этой религии служит то обстоятельство, что она ещё и до сих пор существует у многих народов, как напр<имер>, у черемисов, вотяков, вогуличей, остяков, самоедов, у некоторых сибирских татар, тунгусов и прочих народов Сибири и, наконец, у маньчжуров.

Из наиболее капитальных сочинений по этому предмету мы имеем магистерскую диссертацию Д. Банзарова, помещённую им в учёных записках казанского Университета за 1846 г. под заглавием: «Чёрная вера или шаманство у монголов»³. Казалось бы, от этого источника можно было ожидать многое, но, к сожалению, надежда наша не оправдывается. За неимением данных мы не можем определить, в чём заключается сходство и различие между шаманством у монголов и шаманством у маньчжуров, так как обзор шаманства у монго<л. 1б>лов у Банзарова чрезвычайно поверхностно, а о шаманстве у маньчжуров мы знаем, разумеется, далеко не все источники, имеющиеся по этому предмету; но, принимая по внимание, что источник, которым пользовались, есть источник официальный, составленный по поручению китайского Императора⁴, мы можем в значительной степени положиться на его важность для данного предмета.

Сопоставляя этот источник с сочинением Банзарова, мы не находим почти ничего общего между этими двумя сочинениями по одному и тому же предмету. Между тем у Банзарова в числе источников, которыми он пользовался при составлении своей диссертации, поместил разбираемое нами сочинение; из диссертации же его не видно, чтобы сочинение, цитируемое им, дало ему какой-либо материал. Отсюда является такого рода дилемма: или одна и та же религия успела так разветвиться, что общим остаётся одно только название, да, пожалуй, некоторые мелочи, установления в обрядах, или процитированное им сочинение вошло в число источников за общим итогом, что называется, для счёта. Основываясь на мнении Нила Архиепископа Ярославского, что догматы и обряды, предания и поверья у шаманов носят тип тождества, оттеняемого лишь частными условиями жизни каждого народа, мы решились принять последнее мнение.

Вообще г. Банзаров, написавший диссертацию о шаманстве у монголов, по меткому замечанию Нила Архиепископа Ярославского⁵, скользит по поверхности рассматриваемого им предмета, усваивает ему вовсе чуждые правила для него правила ламы Варзатары и повторяет сказания других без малейших оправок с делом

и опытом⁶. <Л. 2а> Переходя затем к другому сочинению о шаманстве, написанному Нилом Архиепископом Ярославским, мы, к сожалению, должны сказать об этом труде: «борьба буддизма с шаманством и характер последнего» почти тоже, что он сказал о Банзарове. В начале своей статьи Нил Архиепископ Ярославский рассказывает легенду о том, как Шигемуни боролся с шаманством, и как, наконец, шаманы были побеждены. Вот, что читаем мы у него об этой победе: «случилось то, чего никто не ожидал. Шигемуни не удостоил шаманов ни словом, ни взглядом, решил участь их одним мановением руки. Ибо, едва коснулся он седалища своего, оно потряслось, и вместе с тем раздался дикий голос, похожий на рёв слона; вышел из земли огонь и явились гении, которые в виде грозных богатырей, быв предводимы самим Очирвани, ринулись на шаманов и стали поражать их. Несчастные искали спасение в бегстве. Но река преградила им путь, и таким образом гибель их сделалась почти всеобщей. Из шести сот тысяч уцелело всего двести шаманов⁷, и они-то, рассеявшись по миру, послужили орудием в сохранении таких тёмных понятий о чёрной вере, кои доныне удерживаются ее последователями»⁸. Рассказав эту легенду, Нил Архиепископ Ярославский старается выяснить характер шаманства, но в этом выяснении решительно ничего нет выясняющего, так что вопрос всё-таки остаётся вопросом. Сделав краткую выписку из сочинения о. Иакинфа «Китай в гражданском и нравственном <Л. 2б> состоянии» [Бичурин, 1948, ч. 4, 54–67]⁹, он передаёт обряд, соблюдаемый при производстве в шаманы. Но всего этого, разумеется, далеко недостаточно, чтобы вполне выяснить характер шаманства.

Наконец, мы имеем ещё несколько строк о шаманстве, помещённых о. Иакинфом <Л. 3а> в своём сочинении «Китай в гражданском и нравственном состоянии». Глубоко уважая учёную деятельность о. Иакинфа, мы, тем не менее, не можем не высказать своего сомнения о том, что такой важный вопрос, как шаманство, не обратил на себя надлежащее внимание о. Иакинфа, почему он и ограничился самым кратким изложением шаманских обрядов, так что из его описания обрядов мы решительно <Л. 3б> не имеем возможности составить бы ясное понятие об этих обрядах. Для подтверждения нашего мнения, мы приводим целиком из сочинения о. Иакинфа описание шаманского обряда, совершаемого утром в обыкновенные дни. Вот что читаем мы у него об этом обряде: «на столе пред занавесом ставят изображение трёх онгонов, три блюда с курениями, три чарочки с водою и три тарелки с хлебами. Шаманка нараспев читает молитву, ей аккомпанируют на гитаре и балалайке. Потом закрывают изображение духов, приводят свинью и затворяют храм. Шаманка опять читает молитву, по окончании к<ото>рой берёт жертвенную воду и вливает её в ухо свиньи. После того, выпустив кровь из животного, разделяют её на части и варят. Приготовленное мясо шаманка ставит на стол и читает окончательную молитву»¹⁰.

<Л. 4а> Рассматривая сочинение «Маньчжусай вэчэрэ мэтэрэ коли», излагающее шаманские обряды жертвоприношений у маньчжуров, мы находим, что все эти обряды близко подходят один к другому, так что часто обряды жертвоприношений, совершаемые по разным случаям, почти одинаковы, но при этом бывают некоторые небольшие изменения или дополнения; и эти-то изменения и дополнения заставляют нас излагать целиком все эти обряды, чтобы сохранить целостность обряда. Эти обряды размещены в рассматриваемом нами обряднике следующим образом:

- обряд жертвоприношения, совершаемый в первый день нового года в Кун-нин-гуне¹¹,
- обряд жертвоприношения, совершаемый в первый день нового года в палатке шаманского храма предков¹²,
- расписание церемониала жертвоприношений в палатке шаманского храма предков,
- обряд жертвоприношения, совершаемый в палатке духа Шанси эндури,
- обряд жертвоприношения, совершаемый в шаманском храме предков, при перенесении онгона¹³,
- обряд жертвоприношения, совершаемый ежемесячно в Кун-нин-гуне,
- обряд жертвоприношения, совершаемый на следующий день после принесения жертвы¹⁴,
- обряд жертвоприношения, совершаемый в обыкновенные дни в Кун-нин-гуне,

- обряд жертвоприношения духу богатства, совершаемый в начале каждого из четырёх времён года,
- обряд омовения Будды,
- <л. 4б> – расписание церемониала репетиции жертвоприношения, совершаемого за два дня до совершения торжественного обряда самим государём,
- обряд большого жертвоприношения, совершаемый в шаманском храме предкам,
- обряд большого жертвоприношения, совершаемый в Кун-нин-гуне,
- обряд жертвоприношения, совершаемый на следующий день после совершения жертвоприношения (отдание праздника),
- обряд моления о счастье,
- обряд жертвоприношения за лошадей, совершаемый в палатке шаманского храма предков,
- обряд жертвоприношения за лошадей, совершаемый в первый день,
- обряд жертвоприношения за лошадей, совершаемый во второй день.

Перечислив, таким образом, обряды жертвоприношений, совершаемые шаманами у маньчжуров, мы теперь перейдём к самому изложению обрядов, придерживаясь того порядка, в каком они изложены в рассматриваемом нами сочинении. Итак, первым обрядом является:

Обряд жертвоприношений, совершаемый в первый день нового года в Кун-нин-гуне

Обряд этот состоит в следующем:

Во время третьей ночной стражи на первое число нового года заведующий курениями зажигает курительные свечи пред престолом онгона в Кун-нин-гуне. Император и Императрица, когда исполняют обряд, то заведующий курениями расстилает войлок. Если Император с ванами, бэйлэ и бэйсэ¹⁵ <Л. 5а> (князьями и графами) исполняет обряд онгону утром и вечером в Кун-нин-гуне, то заведующий курениями зажигает курительные свечи и расстилает войлок, на котором император исполняет обряд.

Обряд жертвоприношения, совершаемый в третий день нового года в палатке шаманского храма предков

Ежегодно в первое число нового года Император, отправившись в шаманский храм предков, когда исполняют обряд, то представитель военной мастерской расстилает посредине вымощенной камнем дорожки коврик, на котором исполняется обряд. Император, взойдя на него, становится пред палаткою с обращённым лицом вверх; чиновник, читающий молитвы при жертвоприношениях, читает молитву, а Император трижды преклонив колена и исполнив обряд девять раз¹⁶, возвращается во дворец, наперёд объявив министру двора, чтобы он привесил двадцать семь кружков, вырезанных из бумаги в виде медной деньги (букв<ально> 27-мь листов бумажных денег) к деревянному столбу, поставленному под высоким столом внутри палатки шаманского храма. Вслед за тем, княжеские телохранители один за другим привешивают по двадцати семи листов бумажных денег, а помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс зажигает курительные свечи.

Обряд жертвоприношения, совершаемый в палатке шаманского <Л. 5б> храма предков

В третий день нового года и в первый день каждого месяца, когда совершается жертвоприношение в палатке шаманского храма, то в эти дни помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс и человек, участвующий в жертвоприношении (*амсунь и нялма*), привешивают двадцать семь кружков, вырезанных из бумаги в виде медной деньги, к деревянному столбику, поставленному под высоким столом внутри палатки, а на высоком столе ставят поднос с хлебцами и чарку с вкусным вином, на маленьком же столе ставят две чашки, в одну из них наливают вино, а другую ставят пустою. Заведующий курениями зажигает курительные свечи. Два придворных евнуха играющие на гитаре и балалайке¹⁷, садятся вне палатки на вымощенной дорожке, обратившись лицами к восточной стороне, а караульщики (*тувакяра нялма*) шаманского храма, ударяющие в кастаньеты¹⁸ и бьющие в ладони, садятся, обратившись лицом к западной стороне. Шаман, подошедши к ним,

преклоняет колена. Заведующий курениями подаёт шаману чарку и блюдечко. Шаман, взяв чарку и блюдечко, возносит вино в жертву духам шесть раз. Помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс стоит в это время на восточной стороне у ступенек вне палатки, и когда он скажет: «Ударяйте в кастаньеты», то начи<Л. 6а>нают играть на гитаре и балалайке, ударять в кастаньеты и бить в ладони. Шаман всякий раз как возносит вино в жертву духам, перелив в пустую чашку вино, которое возносилося, снова наливает вино из чашки, в которую было налито вино, и налив в две чарки, возносит в жертву духам; всякий раз как он возносит, помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, когда скажет караульщикам шаманского храма: «Пойте хором», то они поют хором. Когда шаман сделает возношение шесть раз, то, отдав назад заведующему курениями чарку и блюдечко, делает один земной поклон, и затем, вставая, складывает ладони вместе и подносит ко лбу. Помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, когда скажет: «перестаньте ударять в кастаньеты» (букв<ально>: остановите – или), то люди, играющие на гитаре и балалайке и ударяющие в кастаньеты, на время останавливаются. Заведующий курениями подаёт шаману плоский нож. Шаман берёт нож, а помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс приказывает играть на гитаре и балалайке, ударять в кастаньеты и бить в ладоши. Шаман, сделав один земной поклон, встаёт, а помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс приказывает хору петь. Шаман, став три раза коленями на нож, молится, воспевая гимн, а певчие в это время поют хором. Таким образом, молится шаман, <Л. 6б> воспевая гимн три раза, а когда он преклонит колена девять раз, то, сделав один земной поклон и встав, снова три раза преклоняет колена и потом отдаёт нож заведующему курениями. Помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс приказывает перестать играть на гитаре и балалайке и ударять в кастаньеты. Шаман, став на колени и помолившись, делает один земной поклон, а потом, встав, сложив ладони вместе и поднеся их ко лбу, возвращается домой, а хлебцы и вино, которые приносились в жертву, отдаёт караульщикам шаманского храма.

Обряд жертвоприношения, совершаемый в палатке духа Шанси эндури

В первое число каждого месяца при совершении жертвоприношения в палатке духа Шанси эндури, находящейся в юго-восточном углу в шаманском храме предков, ставят на высоком столе чарку с приятным вином и поднос с хлебами; люди, участвующие в жертвоприношении, зажигают курительные свечи, а маньчжурец, участвующий при жертвоприношении, привешивает к деревянному столбику, поставленному под столом, чистую бумагу. Вслед за тем княжеские телохранители один за другим тоже привешивают к столбику чистую бумагу. Старшина маньчжурского фамильного дома, надев на шею чётки, которые надевают при соблюдении поста, взяв шапку и сняв курму¹⁹ и пояс, <Л. 7а> входит в палатку, и, ставши на колени, делает земные поклоны, прося о ниспослании счастья, а когда сделает земные поклоны, выходит из палатки. Люди, участвующие при жертвоприношении, вошедши в палатку, наливают принесённое в жертву вино в большую чашку, поставленную на земле при столе, а жертвенный хлеб, вынеся из палатки, отдают начальнику дворцовой роты (*боой да дэ*).

Обряд жертвоприношения, совершаемый в шаманском храме при перенесении онгона

Ежегодно, когда наступал двадцать шестой день двенадцатого месяца, день перенесения онгона для поставления его в шаманском храме предков, то шестнадцать придворных евнухов, одетых в шёлковое платье оранжевого цвета, неся на плечах двое носилок, имеющих жёлтые атласные покрывающие для онгонов, ставят их запасными вне дверей Кун-нин-гуна (*Кун-нин-гун ни учэй тулэ болхамби*). Два маньчжура, участвующие в жертвоприношении, одетые в шёлковое платье жёлтого цвета, вынеся двух онгонов, одного утром, а другого вечером, ставят каждого их них на носилки. Шестнадцать придворных евнухов, одетых в шёлковое платье оранжевого цвета, подняв на плечи носилки, идут в ворота, находящиеся против жертвенного дома, а впереди них идут придворные евнухи, одетые в оранжевое шёлковое платье с четырьмя парами палок (*мукишань*) и двумя парами фонарей. Два помощника смотрителя за приготовл<Л. 7б>ением жертвенных мяс и четыре чиновника,

участвующие в жертвоприношении, идут впереди из дворца (гурунь), а им предшествуют пять пар царских телохранителей, вышедших из ворот Кянь-цин-мэнь²⁰, и когда достигают шаманского храма и поставят в жертвенном зале вместе с носилками в восточной стороне онгона, перенесённого утром, а в западной стороне онгона, перенесённого вечером, то, поставив перед носилками по одному большому (низкому) столу, ставят на каждом из них по одной тарелке с курениями. Караульщики шаманского храма ежедневно два раза (утром и вечером) зажигают курительные свечи.

Обряд жертвоприношения при перенесении онгона во дворец государя

Ежегодно, когда наступает второй день нового года, — день перенесения онгона из шаманского храма во дворец, то в этот день шестнадцать придворных евнухов, одетых в оранжевое платье, подняв на плечи двое носилок, имеющих жёлтые шёлковые покрывала для онгонов, входят в жертвенный зал, а впереди их идут придворные евнухи, одетые в оранжевое шёлковое платье с четырьмя парами палок и двумя парами фонарей, пять пар царских телохранителей предшествуют им, а сзади их идёт чиновник отделения при дворцовом правлении, заведующего делами по жертвенным обрядам при дворе. Обыкновенно <Л. 8а>но вошедшие в ворота *Дэрги энгэ* энгэмэ элхэ обурэ дуга²¹ идут в ворота против зала жертвоприношений, находящегося во дворце. Достигнув до ворот Кян-цин-мэнь, входят в них только два помощника смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, и четыре человека, участвующих в жертвоприношении. Вошедши в ворота Кянь-цин-мэнь, когда достигнут до дверей Кун-нин-гуна, то два маньчжура, участвующие в жертвоприношении, одетые в жёлтое шёлковое платье, перенеся онгонов из носилок в Кун-нин-гун, ставят их на престоле.

Обряд жертвоприношения, совершаемый в Кун-нин-гуне

В третий день нового года и в первый день каждого месяца в Кун-нин-гуне совершается жертвоприношение онгону. Оно совершается таким образом: в трёхгранной подставке, покрытой киноварью и оклеенной сусальным золотом, на которой вырезана голова дракона, прибитая к западной боковой стороне, привязывают питьевым жёлтым шнурком два конца занавески, которая окаймлена по жёлтому атласу красным золотистым глазетом. Поставив в южной стороне маленькую палатку с тронem, в которой поставлено изображение драгоценного Будды, открывают дверь палатки. Затем прилаживают к занавеске изображения Бодхисаттвы и Гувань мафа эндури и ставят подставку с привешенною к ней занавескою, обращённую на восток, на боль <Л. 8б>шой лежанке. Затем, поставив на лежанке два больших низких стола, окрашенных киноварью, ставят три тарелки с курениями, три чарки с приятным вином, девять тарелок с фруктами и девять подносов с паровыми хлебцами, и в северной стороне под столами ставят десятый поднос. В седьмом месяце, когда приносятся в жертву хлебцы из просяной и рисовой муки, разведённой на уксусе и испечённые на паровом стане, совершается жертвоприношение, по этому же образцу. Глиняный кувшин с вином ставят под деревянный брус у лежанки теплых нар. Разостлав пред кувшином жёлто-красный травчатый войлок, и поставив на него длинный низкий стол, на котором возносится вино в жертву духам, ставят на стол две большие жёлтые фарфоровые чашки, в одну из них наливается вино, а другая ставится пустою. Придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, разостлав на земле два листа окрашенной корейской бумаги и внесши два больших стола, окрашенных киноварью и покрытых оловом, ставят каждый из них на этой бумаге, обращёнными на запад. А когда настанет время, заведующий курениями зажигает курительные свечи. Придворные евнухи и люди, участвующие в жертвоприношении, введши двух свиней, когда поставят их вне дверей Кун-нин-гуна, обращённых головами к северу, то два евнуха, играющие на гитаре и балалайке, помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, восемь человек <Л. 9а> участвующих в жертвоприношении и два старших евнуха подошедши и выстроившись в два ряда по пяти человек пред гитарою и балалайкою, а затем усевшись с обращённым лицом вверх, поджав ноги калачиком, играют на гитаре и балалайке и ударяют в кастаньеты. После этого маньчжуры, участвующие в жертвоприношении, преклонив одно колено, бьют в ладони. Шаман, подошедши к столу, на котором возносится вино в жертву духам, преклоняет колена, а заведующий курениями, подняв вверх чашку

и блюдечко, подаёт их шаману. Шаман, взяв их, возносит вино в жертву духам шесть раз, и всякий раз как вознесёт, вылив вино, которое возносилось в жертву, в пустую чашку, и затем снова налив вино в две чарки из другой чашки, в которую было налито вино, возносит в жертву духам. Всякий раз, как шаман возносит вино в жертву духам, люди, участвующие при жертвоприношении, поют хором. Когда шаман вознесёт вино в жертву духам шесть раз, то отдаёт назад заведующему курениями чарку и блюдечко, а затем, сделав один земной поклон и встав, складывает ладони вместе и подносит ко лбу. Игание на гитаре и балалайке и ударение в кастаньеты на время приостанавливаются. Заведующий курениями и женщины, участвующие при курениях (*хянь-и да хянь-и хахаси*), вынеся стол, на котором возносилось вино в жертву духам и две чашки, в которые налито вино, ставят маленький низкий стол, пред <Л. 96> которым шаман делает земные поклоны. Заведующий курениями подаёт шаману нож. Шаман берёт нож, а люди, участвующие при жертвоприношении, снова начинают играть на гитаре и балалайке, ударять в кастаньеты и бить в ладоши. Шаман, сделав один земной поклон, встаёт, а люди, участвующие в жертвоприношении, начинают петь хором. Шаман, встав коленами три раза на нож и помолившись, воспевае гимны, когда становится коленами снова на нож, то люди, участвующие в жертвоприношении, снова поют хором. Так молится шаман, воспевае гимны, три раза. Когда шаман сделает один поклон и, встав, снова преклоняет колена три раза, и затем уже отдаёт назад нож заведующему курениями, а люди, играющие на гитаре и балалайке и ударяющие в кастаньеты, встав, становятся сбоку (*далбадэ*).

Когда Император лично исполняет обряд, то заведующий курениями приносит маленький низкий стол, пред которым шаман делает земные поклоны, в северную сторону. Император, взяв (*гайфи*) шапку, становится с обращённым лицом вверх посредине храма, подошедши к онгону, которому приносится жертва утром. Прежде преклоняет колена шаман, а затем преклоняет колена Император. Когда шаман помолится, то Император, исполнив один раз обряд и встав, возвращается домой. Шаман, сде<Л. 10а>лав земные поклоны и встав, складывает ладони вместе и подносит ко лбу.

Если Император исполняет обряд вместе с Императрицей, то Император исполняет обряд в южной стороне храма, а Императрица – в северной. Помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, заставив выйти вон всех мужчин, участвующих в жертвоприношении, оставляет только придворных евнухов и женщин, участвующих в жертвоприношении. В тот день, когда Император и Императрица не исполняют обряда, шаман делает за них земные поклоны. А когда шаман сделает земные поклоны, то заведующий курениями, возвратив две чарки с вином, которым приносились в жертву Будде и Бодхисаттве, закрывает двери маленькой палатки Будды. Затем, свернув изображение Бодхисаттвы (*фуса* и *ниругань бэ хэ-тэфи*), кладёт его в деревянную кадку, окрашенную в жёлтую краску. Придворные евнухи, участвующие при жертвоприношении, почтительно подняв вверх деревянную кадку и маленькую палатку Будды, выносят из дверей храма в сопровождении тарелок с двумя курениями и ставят в большой палатке внутри западного звена Куннин-гуна, а впереди ставят тарелку с курениями. Затем, перенеся трон (*тэку*) маленькой палатки и приподняв (*татафи*) немного занавеску по направлению к югу, ставят посредине изображение Гуань мафа эньдури, а затем, перенеся на средину (палатки?), ставят тарелки с курениями и вином, которое приносилось в жертву, а глиняный кувшин с вином покрывают чистою крышкой. Люди, играющие на гитаре <Л. 10б> и балалайке и ударяющие в кастаньеты, садятся в главном (да) месте. Женщины, участвующие при курениях, свернув в три раза войлок, расстилают его близ деревянного бруса у лежанки тёплых нар, а заведующий курениями подаёт шаману чарку и блюдечко. Придворные евнухи, участвующие при жертвоприношении, поднимают вверх свинью и, внесши её в палатку, ставят обращённо головою к западу под деревянный брус у лежанки тёплых нар. Маньчжурец, участвующий при жертвоприношении, преклоняет одно колено, прижимает (*гидамби*) им свинью. Помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, люди, участвующие в жертвоприношении (*амсунь* и *урсэ*), старший придворный евнух и другие евнухи играют на гитаре и балалайке, ударяют в кастаньеты и бьют в ладони, а шаман,

преклонив колена в направлении к юго-западу на красном войлоке, свёрнутом в три раза и разосланного близ деревянного бруса у лежанки тёплых нар, поднимает вверх чарку и блюдечко, и когда он делает один раз возношение, то участвующие в жертвоприношении, обыкновенно поют хором. Шаман, сделав возношение и помолившись, наливает вино в одну чарку из двух чарок, а затем маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, тянет <Л. 11а> свинью за ухо. Шаман, влив вино в ухо свиньи и отдав чарку и блюдечко заведующему курениями, делает один земной поклон. Игра на гитаре и балалайке и ударение в кастаньеты на время приостанавливаются. Маньчжурец, участвующий при жертвоприношении, держа свинью за хвост, снова поставит её, повернув головою к востоку, то придворный евнух, участвующий при жертвоприношении, подошедши и подняв кверху свинью, ставит её на время (*така*) стоймя на большом столе, покрытом оловом. Заведующий курениями подаёт шаману чарку и блюдечко. Шаман, взяв чарку и блюдечко, и затем, введши из дверей свинью, так же как и в первый раз возносит вино в жертву духам, а люди участвующие при жертвоприношении, ударяют в кастаньеты, играют на гитаре и балалайке и поют хором. Шаман, вливши вино в уши свиньи и сделав один земной поклон, встаёт и возвращается домой (*бэдэрэмби*)²²; народ, оставив балалайку, гитару и кастаньеты, встав, также уходит. Поставив поперёк на большом столе, покрытом оловом, двух свиней с обращёнными головами на запад, убивают их. Женщины, участвующие при жертвоприношении, поставив под стол высеребренное корыто, получают кровь, а женщины, участвующие при курениях, берут войлок. Подвинув (*ибэбуфи*) длинный высокий стол, окрашенный киноварью, ставят его пред западной лежанкой, а на этот стол ставят корыто со свиною кровью, принесённые же в жертву хлебцы, вино и <Л. 11б> фрукты возвращают назад (*бэдэрэбумби*). А когда свиньи воспарили (так говорят шаманы о заколотой ими свинье, когда прекращается у ней дыхание – *Н.П.*), то люди, участвующие при жертвоприношении, поставив их стоймя с обращёнными головами на юг на западной стороне стола и сняв с них шкуру, разделявают тушу на части и варят в большом жертвенном треножнике, то не снимают шкуру с головы, лап и хвоста. Опалив снятую кожу и соскоблив с неё шерсть, также варят её в большом жертвенном треножнике, а внутренности кладут в корыто, покрытое свинцом (вылущенное – *тохолонь докомиха отой дэ тэбумби*); затем, поставив корыто с кровью на землю, один маньчжурец, участвующий при жертвоприношении, подходит и преклоняет колена перед высоким столом, а потом наливает кровь во внутренности, и, положив их в жертвенный треножник, варит. Придворные евнухи, участвующие при жертвоприношении, положив кожу в корыто, выносят плотную корейскую бумагу, пропитанную маслом (*симэнгилэхэ*), и два больших стола, покрытых оловом, а затем, положив на маленькую деревянную тарелку, покрытую киноварью желчь, лапы и копыта, ставят на конце большого низкого стола, на северной стороне, который поставлен на лежанке. Когда поспеет мясо, то, нарезав одну чашку жертвенного мяса и положив пару столовых палочек (которые, обыкновенно, делаются <Л. 12а> из бамбука или слоновой кости и заменяют нашу вилку при еде – *Н.П.*), ставят посередине большого низкого стола.

Разложив по двум сторонам двух корыт мясо двух свиней, а окорока положив по четырём углам корыта, на передней стороне корыта кладут грудь, а на задней – задок и ребра, на поверхности (ойло) же кладут голову, а затем ставят корыта на длинный высокий стол пред Буддою. Заведующий курениями зажигает курительные свечи, а женщины, участвующие при жертвоприношении, расстилают красно-жёлтый цветочный войлок. Один из заведующих курениями подносит чашку с вкусным вином, а другой поднимает вверх пустую чашку, и когда, подошедши один к другому, они стоят, то заведующий курениями вручает шаману чарку и блюдечко. Шаман, преклонив колена, три раза возносит вино в жертву духам. Что же касается до придворных евнухов, участвующих в жертвоприношении, то они играют на гитаре и балалайке; люди, участвующие в жертвоприношении (*амсунь и урсэ*), ударяют в кастаньеты, а маньчжуры, участвующие в жертвоприношении (*амсунь и маньчжурса*), бьют в ладони и три раза поют хором. А когда шаман сделал возношение три раза, то, отдав назад заведующему курениями чарку и блюдечко, делает один земной поклон, а затем, встав, складывает ладони вместе и подносит ко лбу. Если Император

и Императрица лично исполняют обряд, то они исполняют <Л. 12б> его так же, как было описано выше. Когда они сделают земные поклоны мясу (*яли дэ хэнкилэхэ манги*), то, разложив его по блюдам, не вынося вон, расставляют по порядку пред длинным столом; а затем отведывают мясо или Император с Императрицей, или ван (князь) с сановниками, смотря по указу Императора.

В тот день, в который Император не отведывает мясо, пригласивши дежурного генерала и царских телохранителей, угощает их обедом (*ургэбумби*), а когда угостит, то придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, вынеся вон кожу, кости и жир, отсылают всё это в кухню; помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, взяв желчь, лапы и копыта свиньи, отнёсши их в чистое место и сжёгши, бросает в реку. Подняв занавеску и спрятав кружки, вырезанные из бумаги в виде медных денег (которые обыкновенно сжигаются при жертвоприношении покойнику и разбрасываются по дороге, – в виде нашей ёлки, – при выносе покойника на кладбище – *Н.П.*) и в конце месяца положив их в мешок, сделанный из корейской бумаги, относят в шаманский храм, и затем эту бумагу сжигают в шаманском храме вместе с жертвенной вехой (*силтань моои сасари*). Свернув изображение Гувань мафа эндури и положив его в деревянную катку, <Л. 13а> окрашенную киноварью, переносят из западного звена Кунь-нин-гуна тарелки с двумя курениями (*чжувэ хянь и фила бо*), маленькую палатку Будды и кадочку Бодхисаттвы (*фуса и силань*) и ставят маленькую палатку Будды на трон обыкновенной палатки (*ань и ордо и тэку дэ добомби*); на столе с выдвижными ящиками, раскрашенном цветами различных красок и окрашенном киноварью, ставят изображение Бодхисаттвы и Гувань мафа эндури, а на противоположной стороне стола (восточной стороне – *Н.П.*) ставят тарелки с тремя курениями.

Когда совершают вечером жертвоприношение онгону, то привязывают занавеску, окаймлённую красным золотистым глазетом по темноватому атласу, к вешалке, окрашенной тёмною краскою, и потом, нанизав на жёлтый ремешок семь больших и маленьких колокольчиков, привязывают к концу пня белокорой берёзы (*шацзилань циктань и дубэ дэ хувайтамби*); а затем привешивают к вешалке по порядку в западной стороне домашнего кумира (*муригань вэчэку*), посредине занавески – живописное изображение духа (*ниругань вэчэку*), а в восточной стороне, покрытый тёмною краскою и служащий подставкою, на которой ставится монгольская божница (*монго вэчэку*). Всё это ставят на северную лежанку обращёнными на юг. Затем, поставив на лежанку два больших низких стола, покрытых киноварью, ставят на них <Л. 13б> пять тарелок с курениями, пять чарок с вкусным вином, девять тарелок с фруктами и девять подносов с печёными на парах хлебцами, а десятый поднос ставят в западной стороне под столом; под деревянным брусом у лежанки тёплых нар ставят глиняный кувшин с вином. Пред введением свиньи ставят в большой палатке западного звена (*варги гялань и амба ордо дэ добомби*) две тарелки с курениями Будде и Бодхисаттве. Придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, заранее расстилают покрашенную бумагу, а затем расставляют столы. Всё это делается так же, как и при утреннем жертвоприношении. А когда настанет время ввести свинью, то, введши её, ставят в обычном месте. Заведующий курениями зажигает курительные свечи, а женщины, участвующие в курениях, ставят пред онгонами табурет, окрашенный в тёмную краску, на который садится шаман в то время, когда он шаманит; придворные же евнухи, участвующие в жертвоприношении, ставят принадлежности табурета, подставку и барабаны (*тункэнь бэ тэхэ нисихай мулань и тэйсу синьдамби*). Шаман, подвязав женскую юбку, оклеенную берестом (*алаха*) и опоясавшись поясом с бубенчиками, взяв одноручный бубен, подходит к онгону. Два придворных евнуха, участвующие в жертвоприношении, подходят к нему, и, став с обращённым лицом к западу, один <Л. 14а> из них ударяет в барабан, а другой – в кастаньеты. Шаман, став на табурет, обратясь к онгону, когда призывает его, ударяя в одноручный бубен и воспевая хвалебную песнь, то придворный евнух, ударяющий в барабан, ударяет в него один раз под такт одноручному бубну. Шаман, встав с табурета, когда шаманит в первый раз, изгибаясь и отступая назад, то придворный евнух, бьющий в барабан, ударяет в него три раза под такт одноручному бубну. Шаман, когда шаманит, изгибаясь и подходя вперед, то придворный евнух, бьющий

в барабан, ударяет в него пять раз под такт одноручному бубну. Шаман, когда молится, воспевая гимны в первый раз, то один придворный евнух ударяет в барабан пять раз, а другой ударяет в кастаньеты под такт три раза. Шаман, когда шаманит, изгибаясь, подходя вперед и отступая назад во второй раз, то придворный евнух ударяет семь раз только в барабан. Шаман, встав, когда молится, воспевая гимны, то, обыкновенно, ударяют пять раз, а в кастаньеты – три раза. Когда шаман шаманит в третий раз, то придворный евнух одиннадцать раз ударяет только в барабан. Шаман, став, когда молится, воспевая гимны, в третий раз, то придворный евнух ударяет в барабан четыре раза, и, наконец, шаман <Л. 14б> произносит наперекрёст (*хяхамби*) один раз два слова, а придворный евнух под такт ему ударяет, обыкновенно, в кастаньеты три раза. Шаман, когда окончит молиться и петь гимны в третий раз, и когда шаманит, то придворный евнух ударяет только в барабан три или четыре раза, выходит из храма. Шаман, отдав назад женщинам, участвующим в курении, одноручный бубен, снимает женскую юбку и поясные бубенчики. Женщины, участвующие в курении, расстилают жёлто-красный травяной войлок.

Когда Император лично исполняет обряд, то женщины, участвующие в курениях, ставят в западной стороне маленький низкий стол, пред которым шаман делает земные поклоны. Император, взяв шапку и подойдя к вечернему онгону (*ямцзи вэчэку*), стоит с обращённым лицом вверх. Шаман, преклонив колена, когда помолится, то Император начинает исполнять обряд и исполнять его точно так же, как утром. Если Император исполняет обряд вместе с Императрицей, то Император исполняет обряд в восточной стороне, а Императрица – в западной. В тот день, в который Император и Императрица не исполняют обряд, шаман делает земные поклоны; а когда делает земные поклоны, то покрывает чистой крышкой глиняный кувшин с вином. Женщины, участвующие в курениях, <Л. 15а> сложив в три раза войлок, расстилают его близ деревянного бруса у лежанки тёплых нар и ставят на деревянный брус одну чарку и одну чашку с вином. Придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, подняв вверх свинью и внёсши её в храм, ставят под деревянный брус у лежанки тёплых нар с обращённою головою на север. Маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, преклонив колено, прижимает им свинью. Шаман, преклонив колена на красном войлоке, свёрнутом в три раза под деревянным брусом у лежанки тёплых нар к северо-востоку, и влив вино из чашки в чарку, молится, вознося вино кверху. Затем маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, тянет свинью за ухо, а шаман, влив вино в ухо свиньи и поставив чарку на деревянный брус у лежанки тёплых нар, делает один земной поклон. Маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, взяв свинью за хвост, когда поставит её головою по направлению к югу, то придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, подошедши и подняв вверх свинью, ставят её на время стоймя на большом столе, покрытом оловом, а шаман, преклонив колена, наливает вино из чашки в чарку. Затем, помолившись и вознесши вино в жертву духам, шаман, как и прежде, вливает вино в уши свиньи, а затем, сделав один земной поклон и встав, уходит. Поставив <Л. 15б> двух свиней на большом столе, покрытом оловом, обращёнными к западу, убивают их. Две женщины, участвующие в жертвоприношении, поставив под стол высеребрянное корыто, получают кровь, а женщины, участвующие при курениях, получают войлок. Подвинув длинный высокий стол, покрытый киноварью, ставят его пред северной лежанкой, а на этом столе ставят корыто со свиною кровью; один поднос с жертвенными хлебцами оставляют на западном краю большого низкого стола, а другие жертвенные хлебцы, вино и фрукты возвращают назад. А когда свиньи воспарили, то люди, участвующие в жертвоприношении, поставив их стоймя с обращённою головою к югу, снимают с них кожу, разрубают туши на части, вливают кровь во внутренности (кишки) и варят, а большой стол, покрытый оловом, и покрашенную бумагу выносят вон. Всё это делается так же, как и во время утреннего жертвоприношения; только желчь, лапы и копыта, бросив в печь, сжигают. Когда мясо поспеет, то, разрезав его и разложив по пяти чашкам, кладут при каждой чашке по паре столовых палочек и ставят эти чашки на двух больших низких столах. Затем, положив двух жертвенных свиней в двух корытах в том же порядке, в каком были разложены свиньи, принесённые в жертву утром, ставят корыта на длинном высоком столе

пред <Л. 16а> онгонами. Заведующий курениями зажигает курительные свечи, а женщины, участвующие в курениях, расстилают жёлто-красный травчатый войлок. Шаман, подошедши и преклонив колена, делает земные поклоны; а когда сложит ладони вместе и поднесёт их ко лбу, то женщины, участвующие в курениях, взяв войлок, ставят в месте, назначенном для обыкновенного вечернего жертвоприношения табурет, на котором садится шаман, а впереди табурета, поставив маленький столик, кладут на нём маленькие поясные бубенчики. Затем гасят курения и огонь в фонарях, закрывают печь, где варилось мясо, опускают занавес. Присутствующие выходят из храма, и дверь затворяется. Оставшийся там шаман читает молитву нараспев, потрясая бубенчиками, а ему вторят, ударяя в барабан и кастаньеты. При четверократном совершении этого обряда, поднимают занавес, отворяют дверь храма, зажигают фонари, уносят мясо и снимают изображение онгонов.

В тот день, когда совершается жертвоприношение за царевичей (*агэсэ и чжалинь*), если царевичи сами делают земные поклоны, то шаман молится. Если царевичи не делают земные поклоны, то шаман, помолившись, делает за них земные поклоны. Царевичи, до разделения имущества (*боо дэлхэрэ онголо*), если живут в разных домах, то каждый из них, <Л. 16б> поставив онгона в большом доме, в котором он живёт, когда совершает жертвоприношение, то вешает занавес утром и ставит палатку и трон для онгона; а когда совершает жертвоприношение вечером, то привязывает занавеску к вешалкам, ставит трон и совершает жертвоприношение. Утром, до введения свиней, вынеся две тарелки с курениями, ставит в палатке, поставивши под навесом внешней западной боковой стены жертвенного дома; а когда вынесут кости и кожу, то кладут их на стол, на котором поставлен утренний онгон. Когда совершается жертвоприношение вечером, то, кроме того, что не выносят тарелок с курениями, всё другое совершается в жертвоприношении точно так, как совершается жертвоприношение в Кун-нин-гуне. Ваны, бэйлэ, бэйсэ, потомки ныне царствующей в Китае династии и фамильные маньчжуры совершают жертвоприношение также по этому образцу.

Обряд жертвоприношения, совершаемый на следующий день после принесения жертвы²³

При совершении жертвоприношения на следующий день после принесения жертвы, заранее, также как и прежде, перенеся из дворца Государя Будду и Бодхисатву, когда поставят их внутри большой палатки западного звена Кун-нингуна, то придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, разостлав покрашенную плотную корейскую бумагу в северо-<Л. 17а>восточной стороне от вехи (которая ставится у маньчжуров на площадях или посреди двора с утверждённым на ней ящиком, в который кладут жертвенное мясо – *Н.П.*), ставят большой стол, покрытый оловом и покрашенный киноварью, обращённый к западу. После издания указа о поставлении вехи, взяв позвонки свиньи и чистую бумагу, кладут их на жёлтый медный таган и сжигают. Затем, поставив пред камнем вехи высокий стол, покрашенный киноварью, ставят на нём три серебряные тарелки. На средней тарелке кладут пшено и крупу, а остальные две пока ставят пустыми. Немного дальше от камня вехи в северо-западной стороне ставят вешалку, окрашенную киноварью, и покрывают её красным войлоком. Пред вешалкой ставят 4-х угольный поднос и стол из красного дерева, а сзади вешалки ставят один за другим два деревянных подноса, окрашенных киноварью. На подносах кладут несколько кухонных досок (на которых рубят мясо – *Н.П.*) и ставят обращённую к востоку печку, а на север от подносов ставят таган из жёлтой меди и жертвенный треножник из красной меди. Когда настанет время ввести свинью, то придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, введши её, ставят около камня вехи с обращённую головою на юг.

Когда Государь лично исполняет обряд, то женщины, участвующие при <Л. 17б> курениях, расстилают жёлто-красный травчатый войлок, на котором Государь исполняет обряд у порога дверей Кун-нингуна. Государь, вошедши в дверь и взяв шапку (сверху надпись – *в шапке*), преклоняет колена против вехи с обращённым лицом вверх. Маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, подошедши к столу и взяв тарелку с пшеном и крупой, разбрасывает пшено и крупу, и после двукратного разбрасывания уходит. Император, исполнив обряд и встав, возвращается

домой. Если Император исполняет обряд вместе с Императрицей, то Император исполняет обряд посредине храма, а Императрица в западной стороне. Приказав выйти вон мужчинам, участвующим в жертвоприношении, оставляют только придворных евнухов. В тот же день, в который Император и Императрица не исполняют сами обряд, шаман, подняв вверх платье Императора, делает земные поклоны²⁴, а когда он сделает земные поклоны, то придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, поставив на большой стол, покрытый оловом, свинью с обращённой головою к западу, убивают её. Два придворных евнуха, участвующие в жертвоприношении, подставив высеребрянное корыто под стол и получив кровь, ставят его на высокий стол. Когда свинья воспарила, то ставят её стоя с обра<Л. 18а>щённой головою к югу, а люди, участвующие в жертвоприношении, сняв кожу со свиньи, разрубая тушу на части и варят несколько кусков, смотря по надобности, в жертвенном треножнике из красной меди, а оставшееся мясо кладут в корыто. Когда мясо поспеет, то люди, участвующие в жертвоприношении, рассевшись сзади деревянного 4-х угольного подноса, обращаясь к востоку, крошат мелко мясо, а затем кладут его на серебряную тарелку, поставленную в западной стороне высокого стола, а желчь кладут в серебряную тарелку, поставленную в восточной стороне. Изрезанное таким образом мясо кладут затем в две чашки, а при каждой чашке кладут по две столовые палочки. Затем ставят на стол две чашки с кашею и расставляют их таким образом: сначала ставят чашку мяса, а затем чашку каши, потом другую чашку мяса и другую чашку каши. Если Император лично исполняет обряд, то маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, взяв тарелку с крупю и пшеном, поднимая её кверху, снова разбрасывает крупу два раза и затем уходит; а когда Император сделает земные поклоны, то помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс и люди, участвующие в жертвоприношении, повесив к концу вехи позвонки свиньи, и положив в ящик, поставленный на вехе, мясо, желчь, пшено и крупу, утверждают веху, а затем вносят в Кун-нин-гун <Л. 18б> мелко изрезанное жертвенное мясо и кашу. Если Император и Императрица отведывают жертвенные снеди, то Император подносит их Императрице.

В тот день, когда Император и Императрица не выполняют земные поклоны, угощают жертвенными снедами людей, находящихся в Кун-нин-гуне, и оставшееся мелко нарезанное жертвенное мясо и кашу, а также мясной отвар, оставшийся в жертвенном треножнике, отдают придворным евнухам. Затем вносят в Кун-нин-гун покрашенную плотную корейскую бумагу, стол, покрытый оловом и высеребрянное корыто. Влив кровь во внутренности (кишки), варят в большом жертвенном треножнике вместе с оставшимся сырым мясом. Когда мясо поспеет, то, разложив его по блюдам и расставив по главным (да) местам, пригласив сановников и царских телохранителей, угощают их этим мясом; а когда окончится угощение, то придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, выносят стол и бумагу, а кожу и жир отсылают в кухню. Помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс относит кости в чистое место, затем сжигает их, бросает в реку. Перенеся из западного звена храма Будду и Бодхисатву, обыкновенно ставят их на главном престоле, а таган жертвенного треножника ставят в главном <Л. 19а> месте. Если пойдёт во время жертвоприношения дождь или снег, то люди, участвующие в жертвоприношении, и придворные евнухи, распустив бумажный зонтик, пропитанный маслом, покрывают им жертвенный треножник и стол, на котором приносится жертва. При принесении жертвы за царевичей царевичи делают земные поклоны; а если они не делают земные поклоны, то шаман, подняв вверх платье царевичей, делает за них земные поклоны.

Обряд жертвоприношения, совершаемый в обыкновенные дни в Кун-нин-гуне

Ежегодно, когда совершается утреннее жертвоприношение онгону в Кун-нин-гуне, то к трёхгранной подставке, покрытой киноварью и оклеенной сусальным золотом, на которой вырезана голова дракона, прибитая к западной боковой стене, привязывают жёлтым шёлковым шнурком два конца занавески, которая окаймлена жёлтым атласом и красным золотистым глазетом. Свернув в четыре раза два листа чистой бумаги и вырезав четыре монеты, привешивают их к двум концам занавески.

которая окаймлена жёлтым атласом и красным золотистым глазетом. Свернув в четыре раза два листа чистой бумаги и вырезав четыре монеты, привешивают их к двум концам занавески. Поставив в южной стороне маленькую палатку с онгоном, в которой поставлено изображение драгоценного Будды, открывают дверь палатки. Затем привешивают к занавеске изображения Бодхисатвы и Гувань мафа эньдури, и ставят подставку с привешенною к ней занавескою, <Л. 196> обращённую к востоку, на большой лежанке. Затем, поставив на лежанке два больших низких стола, окрашенных киноварью, ставят на них три тарелки с курениями, три чарки с чистою водою и девять подносов с паровыми хлебцами, а в северной стороне под столами ставят десятый поднос. Разостлав жёлто-красный цветочный войлок пред деревянным брусом у лежанки тёплых нар, ставят на нём маленький низкий стол, пред которым шаман делает земные поклоны. Затем придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, разостлав на земле два листа окрашенной плотной корейской бумаги и внёсши два больших стола, окрашенных киноварью и покрытых оловом, ставят каждый их них на этой бумаге обращёнными к западу. Когда настанет время, то заведующий курениями зажигает курительные свечи. Придворные евнухи и люди, участвующие в жертвоприношении, введши двух свиней, когда поставят их вне дверей Кун-нин-гуна с обращёнными головами к северу, то два евнуха, играющие на гитаре и балалайке, помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, восемь человек, участвующих в жертвоприношении, и два старших евнуха, подошедши и выстроившись в два ряда по пяти человек пред гитарою и балалайкою; а затем, усевшись с обращённым <Л. 20а> лицом вверх, поджав ноги калачиком, играют на гитаре и балалайке и ударяют в кастаньеты. После этого, маньчжуры, участвующие в жертвоприношении, преклонив одно колено, бьют в ладоши. Заведующий курениями подаёт шаману нож. Шаман берёт нож, а люди, участвующие в жертвоприношении, снова начинают играть на гитаре и балалайке, ударять в кастаньеты и бить в ладони. Шаман, сделав один земной поклон, встаёт, а люди, участвующие в жертвоприношении, начинают петь хором. Шаман, встав три раза коленами на нож и помолившись, воспевая гимн, когда становится коленами снова на нож, то люди, участвующие в жертвоприношении, снова поют хором. Так молится шаман, воспевая гимны три раза. Когда шаман преклонит колена девять раз, то, сделав один земной поклон и встав, снова преклоняет колена три раза, и затем уже отдаёт назад нож заведующему курениями, а люди, играющие на гитаре и балалайке и ударяющие в кастаньеты, встав, становятся сбоку.

Когда Император лично исполняет обряд, то заведующий курениями переносит маленький низкий стол, пред которым шаман делает земные поклоны, в северную сторону. Император, взяв шапку, становится с обращённым лицом вверх посреди храма, подошедши к онгону, которому приносится жертва утром. Прежде преклоняет колена шаман, а затем преклоняет колена Император. Когда <Л. 20б> шаман помолится, то Император, исполнив один раз обряд и встав, возвращается домой. Шаман, сделав земные поклоны и встав, складывает ладони вместе и подносит их ко лбу.

Если Император исполняет обряд вместе с Императрицей, то Император исполняет обряд в южной стороне храма, а Императрица в северной. Помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс заставляет выйти вон всех мужчин, участвующих в жертвоприношении, оставляет только придворных евнухов и женщин, участвующих в жертвоприношении. В тот день, в который Император и Императрица не исполняют обряд, шаман делает за них земные поклоны. Когда шаман сделает земные поклоны, то заведующий курениями, возвратив две чарки с чистою водою, которая приносилась в жертву Будде и Бодхисаттве, закрывает двери маленькой палатки Будды. Затем, свернув изображение Бодхисатвы, кладёт его в деревянную кадку, окрашенную в жёлтую краску. Придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, почтительно подняв вверх деревянную кадку и маленькую палатку Будды, выносят всё это из дверей храма в сопровождении тарелок с двумя курениями и ставят их в большой палатке внутри западного звена Кун-нин-гуна, а впереди ставят тарелку с курениями. Затем, перенеся трон маленькой палатки и, приподняв немного занавеску по направлению к югу, ставят посредине изображение

Гувань мафа эндури, а затем переносят на середину тарелки с курениями и воду, <Л. 21а> которая приносится в жертву. Люди, играющие на гитаре и балалайке и ударяющие в кастаньеты, садятся в главном месте. Женщины, участвующие при курениях, свернув в три раза войлок, расстилают его близ деревянного бруса у лежанки тёплых нар, и заведующий курениями подаёт шаману чарку и блюдечко. Придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, поднимают вверх свинью и внёсши её в храм, ставят обращённою головою к западу под деревянный брус у лежанки тёплых нар. Маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, преклонив одно колено, прижимает им свинью. Помощник зрителя за приготовлением жертвенных мяс и люди, участвующие в жертвоприношении (*амсунь и урсэ*), старший придворный евнух и другие евнухи играют на гитаре и балалайке, ударяют в кастаньеты и бьют в ладони, а шаман, преклонив колена по направлению к юго-западу на красном войлоке, свёрнутом в три раза и разостланном близ деревянного бруса у лежанки тёплых нар, поднимает вверх чарку и блюдечко, и когда он сделает один раз возношение, то люди, участвующие в жертвоприношении, обыкновенно поют хором, а затем маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, тянет свинью за ухо. Шаман, влив воду в уши свиньи и отдав чарку и блюдечко заведующему курениями, делает один земной поклон. Игра на гитаре и балалайке и ударение в кастаньеты на время приостанавливаются. Маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, держа свинью за хвост, когда поставит её, повернув головою к востоку, то придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, подошедши и подняв вверх свинью, ставят её на время стоймя на большом столе. Заведующий курениями подаёт шаману чарку и блюдечко. Шаман, взяв чарку и блюдечко и затем, введши из дверей свинью, так же как и в первый раз возносит воду в жертву духам, а люди, участвующие в жертвоприношении, играют на гитаре и балалайке, ударяют в кастаньеты и поют хором. Шаман, вливши воду в уши свиньи, делает один земной поклон и затем, встав, возвращается домой (отходит – *Т.П.*); народ, оставив балалайку, гитару и кастаньеты, встав, также уходит. Поставив поперёк на большом столе, покрытом оловом, двух свиней с обращёнными головами на запад, убивают их. Женщины, участвующие в жертвоприношении, подставив под стол высеребренное корыто, получают кровь, а женщины, участвующие при курениях, берут войлок. Подвинув длинный высокий стол, окрашенный киноварью, ставят его пред западной лежанкой, а на этот стол ставят корыто со свиною кровью; принесённые же в жертву хлебцы возвращают назад. Когда свиньи воспарили, то люди, участвующие в жертвоприношении, поставив их стоймя с обращёнными головами на юг на западной стороне стола и сняв с них кожу, разделяют свиней на части и варят в большом жертвенном треножнике, но не снимают кожу с головы, лап и хвоста. Опалив снятую кожу и соскоблив с неё шерсть, <Л. 22а> также варят в жертвенном треножнике, а внутренности кладут в высеребренное корыто; затем, поставив корыто на землю, один маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, подходит и преклоняет колена пред высоким столом, а потом, налив кровь во внутренности (кишки) и положив их в жертвенный треножник, варит. Придворные евнух и участвующие в жертвоприношении, положив кожу в корыто, выносят плотную корейскую бумагу, пропитанную маслом, и два больших стола, покрытых оловом, и затем, положив на маленькую деревянную тарелку, окрашенную киноварью, желчь, лапы и копыта, ставят на конец большого низкого стола, на северной стороне, который поставлен на лежанке. Когда поспеет мясо, то, нарезав его одну чашку и положив пару столовых палочек, ставят посередине большого низкого стола.

Разложив по двум сторонам двух корыт мясо двух свиней, а окорока положив по четырём углам корыт, на передней стороне корыта кладут грудь, а на задней – задок и ребра, на поверхности (*ойло*) же кладут голову; и затем ставят корыта на длинный высокий стол пред Буддою. Заведующий курениями зажигает курительные свечи, а женщины, участвующие при курениях, расстилают красно-жёлтый травчатый войлок. Один из заведующих курениями поднимает вверх чашку с чистою водою, а другой – поднимает вверх пустую чашку, они стоят, то шаман, подошедши к <Л. 22б> ним, преклоняет колена. Заведующий курениями подаёт шаману чарку и блюдечко. Шаман, взяв, три раза возносит чистую воду в жертву духам.

Когда совершается это возношение, то придворные евнухи, играющие на гитаре и балалайке, помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, ударяющий в кастаньеты, старший придворный евнух, люди, участвующие в жертвоприношении и маньчжуры, участвующие в жертвоприношении и быющие в ладони, подошедши так же, как и прежде, рассаживаются (*тэчэмби*). Шаман, всякий раз как вознесёт чистую воду в жертву духам, вылив, в пустую чашку чистую воду, которая возносилась в жертву, и снова налив в две чарки чистую воду из чашки, в которую была налита чистая вода, возносит в жертву духам, и всякий раз как он возносит её в жертву духам, люди, участвующие в жертвоприношении, поют хором. Когда шаман сделает возношение три раза, то, отдав назад заведующему курениями чарку и блюдечко, делает один земной поклон, а затем, встав, складывает ладони вместе и подносит их ко лбу. Народ, оставив гитару, балалайку и кастаньеты, встаёт и уходит.

Если Император и Императрица лично исполняют обряд, то они исполняют его так же, как было описано выше. Когда они сделают земные поклоны мясу, то, разложив его по блюдам, не вынося вон, расставляют по порядку пред длинным столом; <Л. 23а> а затем отведывают мясо или Император с Императрицей, или Ван (князь) с сановниками, смотря по указу Императора. В тот день, в который Император не отведывает мясо, пригласивши дежурного генерала и царских телохранителей, угощает их обедом; а когда угостит, то придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, вынеся вон кости, кожу и жир, отсылают всё это в кухню; помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, взяв желчь, лапы и копыта свиньи, относит их в чистое место, а затем, сжёгши, бросает в реку. Подняв занавеску и спрятав кружки, вырезанные из бумаги в виде медной деньги, а в конце месяца положив их в мешок, сделанный из корейской бумаги, относят в шаманский храм; а затем эту бумагу сжигают в шаманском храме вместе с жертвенной вехой (*силтань моои сасари*). Свернув изображение Гувань мафа эньдури и положив его в деревянную кадку, окрашенную киноварью, переносят из западного звена Кун-нингуна тарелки с двумя курениями, маленькую палатку Будды и кадочку Бодхисаттвы (*фуса и сихань*) и ставят маленькую палатку Будды на троне обыкновенной палатки (*ань и ордо и тэку дэ добомби*); на столе с выдвинутыми ящиками, разукрашенном цветами различных красок и окрашенном киноварью, ставят изображения Бодхисаттвы и Гувань мафа эньдури, а на противоположной стороне стола (в восточной <Л. 23б> стороне) ставят тарелки с тремя курениями.

Когда совершают вечером жертвоприношение онгону, то привязывают занавеску, окаймлённую красным золотистым глазетом по тёмному атласу, к вешалке, окрашенной тёмною краскою, а потом, нанизав на жёлтый ремешок семь больших и маленьких колокольчиков, привязывают к концу пня белокорой березы (*шацзилань циктэнь и дубэ дэ хувайтамби*); а затем привешивают к вешалке по порядку в западной стороне домашнего кумира (*муригань вэчэку*) посередине занавески – живописное изображение духа (*ниругань вэчэку*), а в восточной стороне ставят трон, покрытый тёмною краскою и служащий подставкою для монгольской божницы²⁵.

Всё это ставят на северную лежанку обращённым на юг. Затем, поставив на лежанку два больших низких стола, окрашенных киноварью, ставят на них пять тарелок с курением, пять чарок с чистою водою и девять подносов с паровыми хлебцами, а десятый поднос ставят на западной стороне под столом. Пред введением свиньи ставят в большой палатке западного звена (*варги гялань и амба ордо дэ добомби*) две тарелки с курениями Будде и Бодхисаттве. Придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, заранее расстилают покрашенную бумагу, а затем расставляют столы. Всё это делается так же, как и при утреннем жертвоприношении. Когда <Л. 24а> настанет время ввести свинью, то, введши её, ставят в обычном месте. Заведующий курениями зажигает курительные свечи, а женщины, участвующие в курениях, ставят пред онгонах табурет, окрашенный в тёмную краску, на который садится шаман в то время, когда он шаманит; придворные же евнухи, участвующие в жертвоприношении, ставят принадлежности табурета, подставку и барабан (*тункэнь бэ тэхэ нисихай мулань и тэйсу синьдамби*). Шаман, подвязав женскую юбку, оклеенную берестом и опоясавшись поясом с бубенчиками, взяв одноручный бубен, подходит к онгону. Два придворных евнуха, участвующих в жертвоприношении,

подходят к нему, и, став с обращённым лицом к западу, один из них ударяет в барабан, а другой – в кастаньеты. Шаман, став на табурет, обротясь к онгону, когда призывает его, ударяя в одноручный бубен и воспевая хвалебную песню, то придворный евнух, ударяющий в барабан, ударяет в него один раз под такт одноручному бубну. Шаман, встав с табурета, когда шаманит в первый раз, изгибаясь и отступая назад, то придворный евнух, ударяющий в барабан, ударяет в него три раза под такт одноручному бубну. Шаман, когда шаманит, изгибаясь и подходя вперёд, то придворный евнух, бьющий в барабан, ударяет в него пять раз под такт одноручному бубну. Шаман, когда молится, воспевая гимны в первый раз, то один придворный евнух ударяет в барабан пять раз, а другой – ударяет в кастаньеты под такт ему три раза. Шаман, когда <Л. 24б> шаманит, изгибаясь, подходя вперед и отступая назад во второй раз, то придворный евнух ударяет семь раз только в барабан. Шаман, став, когда молится, воспевая гимны, то обыкновенно ударяют в барабан пять раз, а в кастаньеты – три раза. Шаман, когда шаманит в третий раз, то придворный евнух одиннадцать раз ударяет только в барабан. Шаман, встав, когда молится, воспевая гимны в третий раз, то придворный евнух ударяет в барабан четыре раза, и, наконец, шаман проносит наперекрёст один раз два слова, а придворный евнух под такт ему ударяет, обыкновенно, в кастаньеты три раза. Шаман, когда окончит молиться и петь гимны в третий раз, и когда шаманит, то придворный евнух, ударив только в барабан три или четыре раза, выходит из храма. Шаман, отдав назад женщинам, участвующим в курениях, одноручный бубен, снимает женскую юбку и поясные бубенчики. Женщины, участвующие в курениях, расстилают ярко-красный травчатый войлок.

Когда Император лично исполняет обряд, то женщины, участвующие в курениях, ставят в западной стороне маленький низкий стол, пред которым шаман делает земные поклоны. Император, взяв шапку и подойдя к вечернему онгону, стоит с обращённым лицом вверх. Шаман, преклонив колена, когда помолится, то Император начинает исполнять обряд и исполняет его точно так же, как утром. Если Император исполняет обряд <Л. 25а> вместе с Императрицей, то Император исполняет обряд в восточной стороне, а Императрица – в западной. В тот день, в который Император и Императрица не исполняют обряд, шаман делает за них земные поклоны, а когда сделает земные поклоны, то женщины, участвующие в курениях, сложив в три раза войлок, расстилают его близ деревянного бруса у лежанки тёплых нар и ставят на деревянный брус одну чарку и одну чашку с чистою водою. Придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, подняв вверх свинью и внёсши её в храм, ставят под деревянный брус у лежанки тёплых нар с обращённою головою на север. Маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, преклонив колена, прижимает им свинью. Шаман, преклонив колена к северо-востоку на красном войлоке, свёрнутом в три раза, и, влив воду из чашки в чарку, молится, поднимая воду вверх. Затем маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, тянет свинью за ухо, а шаман, влив воду в ухо свиньи и поставив чарку на деревянный брус у лежанки тёплых нар, делает один земной поклон. Маньчжурец, участвующий в жертвоприношении, взяв свинью за хвост, когда поставит её головою по направлению к югу, то, придворные евнухи, участвующие в жертвоприношении, подошедши и подняв вверх свинью, ставят её на время стоймя на большом столе, покрытом оловом, а шаман, преклонив колена, наливает воду из чашки в чарку. Затем вводят другую свинью. Шаман, помолившись <Л. 25б> и вознёсши воду в жертву духам, как и прежде, вливает воду в ухо свиньи, а затем делает один земной поклон и, встав, уходит. Поставив двух свиней на большом столе, покрытом оловом, обращёнными к западу, убивают их. Две женщины, участвующие в жертвоприношении, подставив под стол висеребрянное корыто, получают кровь, а женщины, участвующие в курениях, получают войлок. Подвинув высокий стол, покрытый киноварью, ставят его пред северной лежанкой, а на этом столе ставят корыто со свиною кровью; один поднос с жертвенными хлебцами оставляют на западном краю большого низкого стола, а другие жертвенные хлебцы возвращают назад (*бэдэрэбумби*). Когда свиньи воспарили, то люди, участвующие в жертвоприношении, поставив их стоймя с обращёнными головами к югу, снимают с них кожу, разрубают туши на части, вливают кровь в кишки и варят, а большой стол, покрытый оловом, и покрашенную бумагу

выносят вон. Всё это делается также как и во время утреннего жертвоприношения, только желчь, лапы и копыта, бросив в печь, сжигают. Когда мясо поспеет, то, разрезав его и разложив по пяти чашкам, кладут при каждой чашке по паре столовых палочек и ставят эти чашки на двух больших низких столах. Затем, положив двух жертвенных свиней в двух корытах в том же порядке, в каком были разложены свиньи, принесённые в жертву утром, ставят корыта на длинном <Л. 26а> высоком столе пред онгоном. Заведующий курениями зажигает курительные свечи, а женщины, участвующие при курениях, расстилают жёлто-красный травчатый войлок. Шаман, подошедши и преклонив колена, делает земные поклоны; а когда сложит ладони вместе и поднесёт их ко лбу, то женщины, участвующие при курениях, взяв войлок, ставят в месте, назначенном для обыкновенного вечернего жертвоприношения, табурет, на котором садится шаман, а впереди табурета ставят маленький столик и кладут на нём маленькие поясные бубенчики. Затем гасят курения и огонь в фонарях, закрывают печь, где варилось мясо, и опускают занавес. Присутствующие выходят из храма и дверь затворяется. Оставшийся там шаман читает молитву нараспев, потрясая бубенчиками, а ему вторят, ударяя в барабан и кастаньеты. По четверократном совершении этого обряда, поднимают занавес, отворяют дверь храма, зажигают фонари, уносят мясо и снимают изображения онгонов.

Обряд жертвоприношения, совершаемый духу богатства в начале каждого из четырёх времён года

В начале каждого из четырёх времён года совершается жертвоприношение духу богатства. Оно совершается таким образом: привесив занавеску так же, как и при совершении обыкновенного жертвоприношения, ставят пред ней утреннего <Л. 26б> и вечернего онгонов и зажигают курительные свечи. Царские берейторы подводят к дверям храма двух белых лошадей, а начальник скотного двора – двух коров и ставят лошадей в западной стороне, а коров – в восточной. Затем, поставив стол, окрашенный киноварью, пред утренним онгоном, кладут на него два слитка золота, два слитка серебра, сорок холщёвых тканей, десять сортов атласа, шёлковую материю, на которой поперёк затканы драконы разноцветными шелками (*гэчухари*), атлас с вытканными симметрично драконами (*уньдураку*), золотой глазет (*гилта-ишику*), плис (*чэкэму*) – материю, у которой основа и уток из разноцветных шелков с разноцветными отливами (*алха*). Шаман, подошедши к столу, преклоняет колена и делает земные поклоны. Затем заведующий курениями поднимает стол и ставит его пред вечерним онгоном. Шаман снова подходит к столу, преклоняет колена и делает земные поклоны, а когда он сделает земные поклоны, то лошадей и коров уводят, а по прошествии трёх дней выносят из храма и богатства, которые приносили жертву, сдают в счётное отделение (*бодоро сидэ*). Если Император исполняет обряд, то исполняет его так же, как в обыкновенные дни.

Обряд омовения Будды

В восьмой день четвёртого месяца, в тот день, в который родился Будда, при совершении жертвоприношения привешивают в среднем звене жертвенного храма <Л. 27а> в шаманском храме занавеску; а когда настанет время, то восемь придворных евнухов, одетых в атласное платье оранжевого цвета, подняв вверх носилки с жёлтой атласной покрывкой, ставят их вне дверей Кун-нин-гуна. Двое маньчжуров, участвующих в жертвоприношении, вынеся деревянную кадочку, окрашенную киноварью, в которой находится изображение Гувань мафа эньюри и другую кадочку, окрашенную жёлтой краской, в которой находится изображение Бодхисаттвы, и палатку Будды, ставят всё это на носилки; а восемь придворных евнухов, одетых в атласное платье оранжевого цвета, подняв носилки на плечи, несут их в шаманский храм; впереди носилок идут придворные евнухи с двумя фонарями и двумя парами палок (*мукишань*), а за ними идут два помощника смотрителя за приготовлением жертвенных мяс и четыре маньчжура, участвующих в жертвоприношении, с пятью парами курений (*хянь суньчжа чжуру*); сзади же носилок идёт чиновник отделения, заведующего обрядами, старший придворный евнух, участвующий в жертвоприношении, и восемь других придворных евнухов, а за ними несут хлебцы из листьев липы (которые готовят маньчжуры в 4-м и 5-м месяцах для жертвы – *Н.П.*), глиняный кувшин с вином, вату и красный мёд (*фулгань хибсу*). Достигнув до

шаманского храма, маньчжуры, участвующие в жертвоприношении, одетые в жёлтое атласное платье, перенеся онгонов в храм, ставят палатку Будды на троне, поставленном в западной стороне храма, а затем, когда привесят к занавеске изображения Бодхисаттвы и Гувань мафа эндури, то <Л. 27б> кладут мёд на жёлтое фарфоровое блюдо и наливают чистую воду. Заведующий курениями открывает дверь палатки, а шаман, перенеся Будду, оmyвает его на жёлтом фарфоровом блюде, а затем, положив новую вату, обыкновенно ставит его на главном престоле; на большом низком столе, окрашенном жёлтой краской, кладут хлебцы из листьев липы, а в обычном месте ставят три чарки с вином и три тарелки с курениями. Заведующий курениями зажигает курительные свечи, а затем, налив вино в две большие жёлтые фарфоровые чарки, ставит их на маленький столик под деревянным брусом у лежанки тёплых нар, потом привешивает двадцать семь кружков из бумаги в виде медной деньги. Два придворных евнуха, играющие на гитаре и балалайке, садятся в западной стороне площадки вне жертвенного зала, а против них садятся княжеские телохранители и чиновники. Рассевшись таким образом, ударяют в кастаньеты и бьют в ладони. Два шамана, одетые в парадные женские кафтаны, подошедши, преклоняют колена. Два заведующих курениями, подняв вверх две чарки и два блюдечка, вручают их двум шаманам. Шаманы, получив по чарке с блюдечком, возносят вино в жертву духам по девяти раз. В это время помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс стоит в восточной стороне у крыльца жертвенного дома, и когда прикажет ударять в кастаньеты, то начинают играть на гитаре и балалайке, ударять в кастаньеты <Л. 28а> и бить в ладони. Два шамана всякий раз, как вознесут вино в жертву духам, вылив его в разукрашенную цветами фарфоровую кадку, наливают снова вино из чашки, и налив по две чарки, возносят в жертву духам. Всякий раз как шаман возносит вино в жертву духам, помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, когда прикажет певчим петь, то певчие поют хором; а когда шаманы сделают возношение духам девять раз, то, отдав назад заведующему курениями чарки с блюдечками, делают по одному земному поклону, а затем, встав, складывают ладони вместе и подносят их ко лбу. Помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс приказывает перестать на время играть на гитаре и балалайке и ударять в кастаньеты. Затем два шамана, вошедши в палатку, преклоняют колена, а заведующие курениями вручают им по чарке и блюдечку. Два шамана возносят вино в жертву духам по девять раз, а стоящие (присутствующие) играют в это время на гитаре и балалайке, ударяют в кастаньеты, бьют в ладони и поют хором. Шаманы, окончив возношения и отдав назад заведующим курениями чарки с блюдечками, делают по одному земному поклону, а затем, встав и сложив ладони вместе, подносят их ко лбу. После этого один шаман остаётся в палатке, а другой – вошедши в жертвенное залo, становится посредине его; заведующий курениями подаёт ему нож, а помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс приказывает <Л. 28б> участвующим в жертвоприношении, играть на гитаре и балалайке, ударять в кастаньеты и бить в ладони. Шаман, сделав один земной поклон, и помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс приказывает петь хором. Шаман три раза преклоняет колена на нож и молится, воспевая гимны; а когда он приклонит колена девять раз, то люди, участвующие в жертвоприношении, начинают играть на гитаре и балалайке, ударять в кастаньеты и бить в ладони. Шаман, подошедши к палатке, делает один земной поклон, а затем, встав, воспекает гимны, снова становится коленом на нож. Окончив коленопреклонение, шаман снова входит в жертвенный зал и, сделав один земной поклон, встаёт, а когда ещё преклоняет колено три раза, то помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс приказывает петь хором. Окончив коленопреклонения, шаман отдаёт нож заведующему курениями, помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс приказывает приостановить игру на гитаре и балалайке и ударять в кастаньеты; после чего люди, участвующие в жертвоприношении, встав, уходят. Шаман, снова преклонив колена и сделав земные поклоны, встаёт, а затем, сложив ладони вместе и поднеся их ко лбу, уходит. Другой шаман, оставшийся в палатке, преклонив колена и сделав земные поклоны, встаёт, а потом, сложивши ладони вместе и поднеся их ко лбу, также уходит. Заведующий курениями, закрыв дверь <Л. 29а> палатки Будды и свернув

изображения Гувань мафа эндури и Бодхисатвы, кладёт каждое из них в отдельную кадочку (*сихань*). Затем, позвав маньчжуров, участвующих в жертвоприношении, одетых в жёлтое атласное платье, ставит вместе с ними кадочки с изображением Гувань мафа эндури и Бодхисатвы и палатку Будды на носилки и переносят во дворец, а жертвенное вино и хлеба раздают пришедшим (*гэнхэ*) царским телохранителям, чиновникам и людям, участвующим в жертвоприношении.

Библиографический список

1. [Бичурин]. Китай в гражданском и нравственном состоянии. Сочинение монаха Иакинфа в четырех частях с рисунками. – СПб., 1848.
2. [Бичурин]. Китай. Его жители, нравы, обычаи. Сочинение монаха Иакинфа. – СПб., 1840.
3. Захаров, И.И. Полный маньчжурско-русский словарь / И.И. Захаров. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1875.
4. Кротков, Н.Н. Краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибиряков, живущих в Илийской области и Тарбагатае / Н.Н. Кротков // ЗВОО, Т. XXI, вып. II–III, 1913. – С. 117–136, таб. X.
5. Нишань самани битхэ (Предание о нишанской шаманке). Издание текста, перевод и предисловие М.П. Волковой. – М.: Наука, Восточная литература, 1961 (серия: Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия, VII).
6. Пан, Т.А. «Устав шаманской службы маньчжур» в переводе А.В. Гребенщикова из Архива востоковедов / Т.А. Пан // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. Доклады науч. конф. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – С. 102–109.
7. Пан, Т.А. Архивные материалы А.В. Гребенщикова по шаманству маньчжуров / Т.А. Пан // 22-я научная конференция «Общество и государство в Китае. Часть 3. – М.: Наука, восточная литература, 1991. – С. 136–140.
8. Пан, Т.А. Маньчжурские записи по шаманизму сибиряков из архива Н.Н. Кроткова / Т.А. Пан // Страны и народы Востока. Вып. XXXV. Коллекции, тексты и их «биографии» / Под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. – М.: Наука, Восточная литература, 2014. – С. 275–290.
9. Пан, Т.А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. / Т.А. Пан. – СПб., 2006.
10. Пан, Т.А. (предисловие и публикация): А.В. Гребенщиков. Устав шаманской службы маньчжуров / Т.А. Пан // Труды Архива востоковедов ИВР РАН. Вып. 1. – М., 2011. – С. 117–133.
11. Stary, G. N. Krotkovs Notizen über die Lage des Schamanismus bei den Sibe zur Jahrhundertwende / G. Stary // Central Asiatic Journal. T. XXIX, N 3–4. Wiesbaden, P. 266–291.
12. Stary, G. Three Unedited manuscripts of the Manchu Epic Tale «Nišan saman-i bithe» / G. Stary. – Wiesbaden, 1985.

¹ В маньчжурском тексте Устава (тетрадь 6) эти инструменты описаны следующим образом: «Тэнгэри – трёхструнный инструмент, на котором играют (щёлкают лучком) при жертвоприношении в шаманском храме предкам, когда шаман совершает возношение вина, коленопреклонение на меч, молитвенное песнопение. Длина – три фута четыре дюйма. *Фифань* – четырёхструнный инструмент, на котором играют (щёлкают лучком) при жертвоприношении в шаманском храме предкам, когда шаман совершает возношение вина, коленопреклонение на меч, молитвенное песнопение. Длина – три фута четыре дюйма».

² Перевод предисловия Устава см. [Пан, 2006, 71–72].

³ Статья была переиздана в кн.: Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова (с портретом и биографией) / Под ред. Г.Н. Потанина. СПб., 1891. С. 1–46.

⁴ Рукописный текст на маньчжурском языке «Утвержденного императором устава маньчжурских жертвоприношений духам и Небу» (*Hesei toktobuha manjusai wecere metere kooli bithe*) появился в 1747 г. и издан в 1778 г. На китайский язык Устав был переведён в 1777 г. и издан в 1782 г.

⁵ Нил Архиепископ Ярославский (в миру Николай Фёдорович Исакович, 1799–1874) – епископ Русской православной церкви, архиепископ Ярославский и Ростовский. Обучался в Могилёвской духовной семинарии, откуда в 1821 году был направлен в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1825 г., по окончании курса духовной академии, пострижен в монашество с именем Нил. С 1825 г. – инспектор Черниговской духовной семинарии, с 1828 года – бакалавр и инспектор Киевской духовной академии, с 1830 г. – ректор Ярославской духовной семинарии, с 1838 г. в сане архимандрита переведён епископом Иркутским, Нерчинским и Якутским. Активно занимался миссионерской деятельностью среди народов Сибири, Дальнего Востока, Якутии, Камчатки и Алеутских островов. Изучал тибетский буддизм и жизнь и язык бурят, подготавливал священнослужителей

из среды бурят. Изучив местные языки, Нил с сотрудниками приступил к переводам священных и богослужебных книг. Несмотря на огромные трудности, к 1854 г. в Казани он издал переводы на монгольский язык Евангелия (частично), Служебника, Часослова и др. В основных местах проживания старообрядцев он создавал православные приходы. В 1840 г. возведён в сан архиепископа, с 1853 г. – архиепископ Ярославский и Ростовский. Переводческую и редакторскую деятельность архиепископ Нил продолжал и после перевода его на Ярославскую кафедру. Уже после отъезда из Иркутска он закончил большой труд «О буддизме». Санкт-Петербургский университет высоко ценил научные заслуги архиепископа Нила, избрав его своим почётным членом.

⁶ См.: «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири». Сочинение Нила Архиепископа Ярославского. СПб., 1858. С. 237–238. – *Примечание Н.А. Попова.*

⁷ Интересно было бы знать, каким образом спаслись эти шаманы, когда всё было против них!!! – *Примечание Н.А. Попова.*

⁸ См. стр. 227. – *Примечание Н.А. Попова.*

<Л. 26> Так как в разбираемом нами обряднике «Маньжусай вэчэрэ кооли» не помещён обряд производства в шаманы, то мы, желая, по возможности, полнее изложить обряды шаманов, решились заимствовать у Нила Архиепископа Ярославского описание этого обряда. Вот, что мы читаем у него об этом обряде: «Шаманисты утверждают, что человек, берущийся в шаманское ремесло, должен иметь внутреннее к тому призвание и особое душевное настроение. Признаками же таковой настроенности духа почитаются: частые обмороки, дичание, иступление, и вообще, характер мрачный, задумчивый и нелюдимый. Заметив свойства сии в ребёнке, родители приглашают наиболее известных по своей способности шамана или шаманку, а иногда и несколько таких лиц и при посредстве их стараются умиловить духов жертвами и молениями.

Жертвенное животное, быв избранно по указанию, украшается разными привесками и цветами. Потом совершают жертвенный обряд, состоящий преимущественно в том, что животное заживо отдаётся духам, подвергается мучениям и наконец убивается. Голову животного не отделяют, а кожу вешают на дерево, не разрезывая брюшины. Кости же, по снесении мяса, собирают с большим тщанием и сжигают.

Весь этот обряд, из какого бы числа животных он не состоял, есть только приготовление к настоящему посвящению в шаманы, отлагаемому на несколько лет. В продолжение их адепт обязуется теоретически и практически изучать не только служебный чин, но также терапию и всякого рода фокусы. Сверх того обязуется принести девять жертв особо установленным порядком. Именно: Выбирают в лесу такое место, где бы берёзы представляли собою правильную аллею, или же насаждают её своими руками не в далёком расстоянии от улуса. Причём за правило поставляется, чтоб на каждой стороне находилось по девять берёз, в том числе две, венчающие собою аллею, должны быть значительной высоты и сим последним усвоится почётное название отец, мать дерево. Всё же, вообще, деревья украшаются девятью родами лесных животных, начиная от белки до соболя.

Вслед за сим шаман, одевшись в полный служебный наряд и надев такой же на своего ученика, <Л. 3а> берёт его за руку и начинает бегать с ним вокруг деревьев, делая прыжки и напевая. Потом ловко вспрыгивает он на вершину высокой берёзы, и остановится в нарочито приготовляемом уступе, похожем на гнездо. В новой позиции шаман усугубляет метания и крик, – чему должен подражать и ученик, став на вершине другой берёзы. Устав шаманский требует, чтобы сiena эта повторялась девять дней сряду, но по причине сопряжённых с нею хлопот и издержек, ограничивают её тремя днями, в каждый из девяти урочных годов.

Последствия же обряда не всегда бывают одинаковы. Если ученик понятлив и ловок, то он мало-по-малу принимает за ремесло своего наставника. В противном случае, даётся место заключению, что духи чем-либо недовольны, и потому родители отказываются от дальнейших хлопот, или ученика сдают на руки опытнейшему.

Новый мантор восполняет упущения, учащает гурумы (буддийский обряд – *Т.П.*), умножает жертвы и молитвенные к духам воззвания, и таким образом успевает привести ученика к желаемому совершенству. Тогда в последний раз учитель и ученик взлезают на заготовленные берёзы. И первый из них, вращаясь во все стороны на верхушке дерева, возвещает языком оракула, что определённые к изучению таинства шаманизма, годы протекли, жертвенные обряды исполнены, тенгри и онгоны умиловлены; и при помощи их такой-то оказался вполне способным к продолжению многотрудного шаманского служения. Почему и вводится в права и обязанности шамана. Слова эти повторяют все присутствующие шаманы, давая тем знать, что и они принимают участие в деле поставления и утверждения. Затем юный шаман импровизирует гимн в честь своего наставника, благодарит его и клятвенно обещается пребывать до конца жизни в сыновнем к нему послушании. А в заключение раздаются клики, соединяемые с шумом шаманских бубнов и сопровождаемые играми и пиршеством.

Обязательство сыновней покорности своему мантору новопоставленным шаманом бывает исполняемо в самом строгом смысле. Ибо и при жизни его (мантора) и по смерти, ученик не называет иначе своего учителя как отцом (или матерью, если это была шаманка). Пищу и питьё не прежде вкушает он, как принёсши ему нечто в роде жертвы. Причём, обыкновенно бросая <л. 3б> в сторону, где предполагается чествуемая особа или дух ея, произносит следующий монолог: цари гор, духи долин – все кучно примите молитву, приносимую вам!

Да и при всяком начинании, особенно же при успешном исполнении какого-либо предприятия, имя наставника воспоминается с благоговением, и дух его в молитвенных призываниях ставится в ряду с благодетельными онгонами и тенгриями. И горе тому, кто хотя единожды не исполнит этого, ибо раздражённый онгон не принимает никаких извинений, и только множеством жертв может быть примирён с оскорбившим его человеком (см. стр. 241–246). – *Примечание Н.А. Попова.*

⁹ См.: Бичурин, 1848. Ч. 4, С. 54–67.

¹⁰ В описании обрядов, совершаемых шаманом, о. Иакинф исполнение всех этих обрядов, приписывает шаманке, а не шаману. Из предисловия к сочинению «Маньчжусай вэчэрэ мэтэрэ коли битхэ» мы знаем, что шаманские обряды исполнялись как шаманами, так и шаманками, но в упоминаемом нами сочинении мы видим исполняющим обряд шамана, который по-маньчжурски называется *самань*, и переводить это слово словом «шаманка» нам кажется неосновательным, тем более, что в маньчжурском языке существует особое слово для шаманки – *хэхэ самань* (см. сочинение) «Маньчжусай вэчэрэ мэтэрэ битхэ», л. 27). Затем, по описанию обрядов о. Иакинфом при совершении всех шаманских обрядов, описанных им, приносится в жертву вода; из сочинения же «Маньчжусай вэчэрэ мэтэрэ битхэ» видно, что кроме воды шаманы приносят в жертву и вино, и этим часто отличается один обряд от другого. – *Примечание Н.А. Попова*.

¹¹ Дворец Кун-нин-гун (дворец Земного спокойствия) находится во внутренней части Запретного города, четвёртый дворец по центральной оси дворцового комплекса Гу-гун и при маньчжурской династии Цинн использовался для шаманских жертвоприношений.

¹² Под «палаткой шаманского храма предков» Н.А. Попов имеет в виду шаманский комплекс Тансэ, находившийся вне дворцового комплекса к юго-востоку от ворот У-мэнь.

¹³ *Онгон* – дух предка семьи или рода, его культовое изображение в культуре монгольских и тюркских народов.

¹⁴ Отдание праздника. – *Примечание Н.А. Попова*.

¹⁵ *Ваны* – братья и племянники императора, князья двух первых степеней – *цин-ван* и *цзюнь ван*; *бэйлэ* – князь третьей степени; *бэйсэ* – князь четвёртой степени.

¹⁶ По о. Иакинфу: «делая три колени приклонения с девятью поклонами в землю», но такой перевод нам кажется произвольным. В маньчжурском тексте мы читаем: «*хуванди илань чжэргэ някурафи, уюнь чжэргэ боролофи, амаси гурунь дэ вэсимби*». – *Примечание Н.А. Попова*.

¹⁷ Попов переводит *фифань* как «гитара», а *тэнгэри* как «балалайка» – см. сноску 1.

¹⁸ Имеются в виду трещётки.

¹⁹ *Курма* – верхняя одежда, надеваемая сверху долгого кафтана длиною до колен. – *Примечание Н.А. Попова*.

²⁰ Ворота *Цянь-цин-мэнь* отделяют по центральной оси официальную часть дворцового комплекса от личных покоев императора и его двора.

²¹ Ворота *Дэргэ энтьэхэмэ элхэ обурэ дука* (*Дун-ань-мынь*) – «ворота вечного спокойствия», находящиеся на юго-востоке Запретного города.

²² Здесь слово *бэдэрэмби* правильнее перевести как «отходит, отступает».

²³ Отдание праздника. – *Примечание Н.А. Попова*.

²⁴ В маньчжурском тексте: *самань хуванди и этуку бэ тукефи хэнкилэмби*. – *Примечание Н.А. Попова*.

²⁵ *Монго вэчэку* – «монгольская божница, в которой на полке слева за занавеской стоит истукан духа – хранителя места и от пожара» [Захаров, 1875, 891].

References

1. Bidchurin. *Kitai v grazhdanskom i npravstvennom sostoyanii. Sochinenie monakha Iakinfa v chetyriokh chastiakh s risunkami* [China in Civil and Moral Condition. Work by a monk Jacinth in Four Parts with Illustrations]. St. Petersburg, 1848 (in Russian).
2. Bidchurin. *Kitai. Ego zhiteli, nruvy, obychai. Sochinenie monakha Iakinfa v chetyriokh chastiakh s risunkami* [China. Its People, Folkways, and Customs. Work by a monk Jacinth in Four Parts with Illustrations]. St. Petersburg, 1848 (in Russian).
3. Zakharov I.I. *Polnyi man'chzhursko-russkij slovar'* [Complete Manchu-Russian Dictionary]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1875 (in Russian and Manchu).
4. Krotkov N.N. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo archeologicheskogo obshchestva* [Notes of the Eastern Department of the Russian Archeological Society]. Vol. XXI, issue II–III, 1913, pp. 117–136, tab. X (in Russian).
5. *Predanie o nishanski shamanke. Izdanie teksts, perevod i predislovie* [A Tale of the Nisan Shamaness]. Ed. by M.P. Volkova]. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 1961 (in Russian).
6. Pang T.A. *Arkhivnye materialy o mongol'skikh i turkskikh narodakh v akademicheskikh sobraniyakh Rossii. Doklady nauch. konf.* [Archive Materials about Mongolian and Turkic Peoples in Academic Collections of Russia. Proc. of Scientific Conference]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2000, pp. 102–109 (in Russian).
7. Pang T.A. *22-ya nauchnaya konferentsiya "Obshchestvo i gosudartsvo v Kitae. Chast' 3* [The 22nd Scientific Conference "Society and State in China". Part 3]. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 1991, pp. 136–140 (in Russian).
8. Pang T.A. *Strany i narody Vostoka. Vyp. XXXV. Kollekcii, teksty i ikh "biografiy"* [Countries and Peoples of the East. Vol. 35. Collections, Texts, and Their "Biographies"]. Ed. by I.F. Popova, T.D. Skrynnikova. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 2014, pp. 275–290 (in Russian).
9. Pang T.A. *Man'chzhurskie pis'mennye pamyatniki po istorii i kul'ture imperii Tsing XVII–XVIII vv.* [Manchu Written Monuments to the History and Culture of the Qing Empire in the 17–18th Centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006 (in Russian).
10. Pang T.A. *Trudy Arkhiva vostokovedov IVR RAN* [Proceedings of the Archive of Orientalists, IOM RAS]. Issue 1. Moscow: Nauka, vostochnaya literatura, 2011, pp. 117–133 (in Russian).
11. Stary G. N. *Central Asiatic Journal*. Vol. XXIX, no. 3–4. Wiesbaden, pp. 266–291 (in German).
12. Stary G. *Three Unedited Manuscripts of the Manchu Epic Tale "Nisan saman-i bithe"*. Wiesbaden, 1985 (in English).